

Крамсков, Петр Никифорович

Россия, Ростовская область

Август 2009 г.

Дорогие и уважаемые друзья!

В 1940 г. я хотел сделать киносъемочную камеру по чертежам Загорского дома пионеров под Москвой. Чертежи я получил по почте в мае 1940 г. За столом, у раскрытого окна, за которым стояла роскошно цветущая вишня, я с огромной радостью стал изучать полученные чертежи. Требовались деньги на покупку некоторых деталей. Деньги нужно было как-то заработать. Для этого я решил завести пчел, чтобы продавать мед. Я переправлялся на лодке через Дон с купленными книжками о пчелах. Мне одолевало какое-то внутреннее тревожное предчувствие. Разволновавшийся Дон захлестывал волной лодку. Пассажиры едва успевали выливать воду, чтобы не утонуть. Переправились благополучно.

Будучи студентом педагогического училища, я играл в оркестре. 21 июня 1941 г. был торжественный выпуск. Выпускной вечер должен был начаться в 20 часов. Веселье продолжалось до 4 часов утра 22 июня. Придя домой, я поднялся на крыльцо своего дома и увидел, что весь северный небосклон окрашен в красный цвет. Я подумал, что это за явление природы. Раньше такого не было. Это было в 4 часа утра 22 июня 1941 г. Оказалось, что на небе отразилась мощная канонада фашистской армии, переправлявшейся через Днестр. Западный берег Днестра был озарен сотысячными залпами артиллерии на сотни километров. Сталин крепко спал, убаюканный мирным договором, подписанным Риббентропом.

Мне мобилизовали в армию примерно в феврале 1942 г. Точно не помню. Я попал в Котельниково, в полковую школу, где после двухнедельного обучения нас выпустили в маршевую роту. В начале мая 1942 г. на крейсере «Красный Крым» мы прибыли в Севастополь. И, как говорится, с корабля на бал, попали на передовую, на Мекензиевы горы, под минометный огонь неприятеля. 25-я Чапаевская дивизия обороняла северные подступы к Севастополю. 23 июня меня первый раз ранило осколком мины. Через час ранило второй раз. По пути в госпиталь ранило в третий раз. Все это произошло за один день. Раны были в туловище и в голову. Я лежал на своих ранах. Госпиталь находился в Камышовой бухте Севастополя и представлял собой обычные окопы под открытым небом и горячим крымским солнцем. В виду множества ран я получил эвакуатон на «большую землю», чему был очень рад. Три дня ждали кораблей для эвакуации, которые так и не пришли. Наш госпиталь захватили фашисты, и мы из ада попали в другой, в фашистский плен.

По железной дороге нас повезли в Западную Украину, в Славуту, и разместили в бывших кавалерийских казармах Красной Армии. Я находился в блоке номер 5. Всего было 10 блоков, трехэтажных зданий, каждое по 150-200 метров длиной. Местные жители называли этот лагерь военнопленных «концентрационным». По немецким документам он именовался «Гросс-лазарет номер 203». Там свирепствовал сыпной тиф. Фашистское начальство не заходило в тифозные блоки. Кормили нас один раз в сутки супом из гнилой картошки. В

сутки умирало до 200 военнопленных. Ежедневно мимо нашего блока изможденные военнопленные провозили 2-3 больших телеги с трупами. При росте 178 см я имел вес 40 кг. Весной 1943 г. с «Гросс-лазарета» был снят карантин. Начали нас проверять по-медицински. Крайне истощенных отправляли на сельхозработы. Остальных в шахты и на заводы. Члены комиссии собрались вместе, решали какой-то сложный вопрос. Я заметил, что они отвлеклись, и не обращают на нас никакого внимания. Я, взяв за руку, перетащил хромого, раненого в ногу пленного к себе в группу, уже прошедших комиссию. Ему, как негодному, инвалиду, грозило уничтожение. Это был Иван Тюрин из Тамбова, по национальности еврей. Из лагеря Славута нас по железной дороге отвезли в Ламсдорф. Это была уже Германия, с красиво оформленным ландшафтом и красивыми подворьями. Здесь нас фотографировали с номерами, повешенными на груди. С того момента мы стали числиться без имени и отчества, как скотина. Из Ламсдорфа нас перевезли в Заган, оттуда в Бреслау. Из Бреслау, мы, 20 военнопленных, попали в Луизенгруд. Нам повезло, потому что мы выполняли сельхозработы. Здесь условия помогли нам выбраться из катастрофического истощения, вопиющей худобы.

В январе 1944 г. уже стала слышна артиллерия наступающей Красной Армии. В Лизенгруде работали вольнонаемные поляки и итальянцы. Однажды ко мне подошел поляк и, оглядевшись по сторонам, чтобы никто не слышал, спросил: «Заведующая детским садом Лизенгруде хочет знать, расстреляют ли ее сталинские власти за ее работу?» Я ответил, что не только не расстреляют, но и не накажут, потому что она не проявляла никакого жестокого обращения с военнопленными. Хочу рассказать об одном эпизоде в Лизенгруде. На 20 человек было представлено два охранника. Один из них был въедливый, излишне требовательный, вредный, нелюбимый в команде. Он бдительно следил, чтобы военнопленные не общались с гражданским населением. Население проявляло симпатию. Не чувствовалось неприязни, тем более враждебности. В команде одного конвоира называли «рыжий». На Восточном фронте он получил серьезное обморожение ног. Однажды его отозвали из нашей рабочей команды в действующую армию. На его место прибыл чех. Это был веселый парень с шутками и анекдотами. Сносно говорил по-русски. Через какое-то время снова появился «рыжий», довольной, что его не отправили на Восточный фронт. Осенью 1944 г. «рыжий» приказал мне заправить волов в бричку, и мы поехали за дровами. Я не обращал внимания на его настроение. Он спросил меня: «Петер, кто победит в этой войне, Гитлер или Сталин?» Вопрос хитрый. Если скажу: «Сталин», меня отправят в концлагерь. Я этого не исключал. Мне уже говорили поляки, что меня хотят отправить в концлагерь за плохую работу. Если скажу: «Гитлер», я подам ему надежду. Я ответил, что газет не читаю и радио не слушаю.

Еще я совершил бессмысленный поступок. Я попросил поляка принести мне портрет Гитлера из журнала и повесил портрет в туалете. Тут тебе и место, подумал я. Наш повар Володя, сибиряк, спросил, кто повесил Гитлера в туалете. Я сказал, что я. Он отругал меня, мол, я с ума спятил. Я понял, что таким поступком не нанесу Гитлеру никакого вреда.

В январе 1945 г. уже были слышны разрывы снарядов. Наступала Красная Армия....

С глубоким уважением к Вам,

Бывший военнопленный Крамсков, Петр Никифорович